

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Д. А. Оболенский

[ПО ПОВОДУ ЗАКОНА О ПЕЧАТИ. 1869]

Со времени введения в действие положения 6 апреля 1865 г. о печати прошло четыре года*.

В указе, при котором обнародовано было это положение, сказано, что оно вводится впредь до дальнейшего указания опыта. Крайне было бы полезно подвести теперь итог всему тому, на что указал опыт в эти четыре года.

Задача эта весьма нелегка, потому собственно, что эти четыре года можно назвать временем обоюдных недоразумений между печатью и цензурною властью — недоразумений, грозящих печальными последствиями, если не будет наконец положен предел сомнениям и не скажется живое слово в ответ на все недоразумения.

От кого же ожидать этого живого и вразумительного слова? Его следует ожидать от власти, разумно просвещенной четырехлетним опытом и готовящей новые изменения в этом законе о печати.

Мы твердо убеждены, что частные поправки, дополнения и изменения в действующих постановлениях внесут только новую смуту и дадут повод к новым недоразумениям. Поэтому правительство на них остановиться не может и не захочет, а коснется самого источника этих недоразумений и ясным законодательным актом выразит свою волю так, чтобы не оставалось сомнения в том, чего оно желает.

Действительно, пора это знать и для достоинства правительства, и для пользы прессы.

Опыт четырех лет убеждает, прежде всего, что правительство, видимо, не желало или не желает теперь того, что изданное им законоположение осуществило на практике.

Быстро сменяющиеся интересы дня заставляют нас скоро забывать еще недавно прошедшее, но для объяснения недоразумений настояще-

* Указ 6 апреля 1865 г. был введен в действие 1-го сентября 1865 г. (примеч. авт.). Здесь и далее звездочками отмечены примечания автора.

го необходимо обратиться к прошедшему, и хотя в общих чертах припомнить обстоятельства и условия, при которых совершилась наша реформа печати.

Не преобладанием влияния какой-либо партии, не интригами каких-либо личных интересов или страстей вызвана была Россия в 1862 году к новой жизни — Державной волей своего Венценосца, при благодарных кликах всей земли вступила она на путь обновления и духовного возрождения. Могла ли одна печать при общем движении вперед остаться в тех тесных рамках, в каких держала ее предварительная цензура? Она безнаказанно рвалась за пределы цензурных дозволений, не вникая им, увлекала самих цензоров на путь послаблений, так что это время едва ли не было самым необузданным временем нашей печати. Правительство усугубляло меры строгости, сменяло людей, изменяло формы учреждений, дополняло правила, но все было тщетно. В период с 1850 до 1862 года было учреждено четыре различных гласных и негласных комитета, три раза преобразовывалось Главное управление цензуры¹; сменено было более 20-ти цензоров; установлены были, кроме общих цензоров, еще специальные цензоры по ведомствам — и результатом всего этого была литература 1850 до 1862 г., предосудительное направление которой изменилось лишь с уничтожением цензуры.

Бессилие цензурных установлений и правил было тогда признано всеми. Два раза новый проект цензурного устава был представляем бывшим министром народного просвещения Ковалевским² в Государственный совет, и оба раза он был возвращаем как не удовлетворяющий современным потребностям. Наконец, в 1862 году Главное управление цензуры упразднено, и вместе с тем учреждена была комиссия под председательством статс-секретаря князя Оболенского для пересмотра всего законодательства о печати и составления нового проекта законоположения по сей части³.

Труды этой комиссии послужили впоследствии основанием проекта Устава о книгопечатании, внесенного в 1865 году бывшим министром внутренних дел статс-секретарем Валуевым⁴ в Государственный совет. В проекте этом излагалось полное законодательство о печати, освобожденной от предварительной цензуры. Он заключал в себе не только все полицейские и уголовные законы о печати, но и все правила судопроизводства для преследования преступлений и проступков слова.

К сожалению, Государственный совет, выбрав из всего этого проекта только несколько отдельных законоположений, без связи между собою, и издав их в виде положения в дополнение к действующим постановлениям и не отметив ни в уголовных законах, ни в цензурном уставе, ни в законе судопроизводства никаких постановлений, с новыми законами

не вяжущихся или им противоречащих,— положил тем начало весьма важным недоразумениям.

Кроме того, слова Указа 6 апреля, при котором объявлено было положение, дали повод предполагать, что правительство не намерено остановиться на даруемых печати льготах, и это только на первое время, ввиду тогдашнего переходного положения у нас судебной части, оно вынуждено ограничить пределы радикальной реформы⁵.

Сроком введения в действие нового положения назначено было 1 сентября. В этот промежуток времени вся читающая публика и литература успели понять, что новым законодательством, несмотря на все ограничения и кажущиеся строгости, дано России новое важное политическое право — право свободного слова; так как свобода слова заключается не в праве безнаказанно злоупотреблять словом, а в праве без предварительного разрешения пользоваться им.

Все поняли, что с уничтожением предварительной цензуры совершается огромный переворот в отношении печати к полицейской предупредительной власти и что печати, доселе только терпимой, дается некоторое право гражданства, обеспеченное законом. Вся литература, и в особенности журналистика, стали готовиться встретить 1 сентября с обновленными силами.

Что же делала с своей стороны административная власть, и как готовилась она к новому своему назначению?

На первых порах обнаружились явные недоразумения и даже пререкания между Министерствами внутренних дел и юстиции о правах и способах преследования злоупотреблений печати. Новый порядок судопроизводства, едва только введенный, еще не успел принятаться, как внезапно законоположением о печати ему подчинены были дела, по самой сути своей неподходящие под условия общего уголовного судопроизводства. Все предложенные во внесенном министром внутренних дел проекте Устава о книгопечатании правила о судопроизводстве были Государственным советом отвергнуты и не вошли в состав положения 6 апреля. Таким образом, ни судам, ни преследовательной власти не было дано по этому предмету ни правил, ни руководства. А между тем с заменой предупредительного законодательства законодательством карательным вся сила и вся власть ограждения общества от злоупотреблений печати передавалась суду.

Неудивительно после этого, что с 1-го сентября 1865 г., когда печать заговорила языком более живым, чем прежде, большая часть правительственных органов и лиц, забыв, что нет более цензуры, стали укорять цензурное ведомство в послаблении и требовать строгих предупредительных мер. Само Главное управление по делам печати, сохранив прежний цензурный взгляд на печать и не видя средств правильным путем преследовать замеченные ею нарушения, ухватилось за предостав-

ленное ему право административных взысканий и начало, без внимательного разбора, отмахиваться этим тяжеловесным орудием, нередко в явное нарушение только что изданных законов.

Лишь в конце декабря 1865 г. вышло несколько постановлений о судопроизводстве по делам печати. Эти отрывочные и далеко не достаточные постановления имели целью разграничить ведомство двух министерств, препиравшихся о власти в делах преследования, но ни один существенный вопрос ими не был решен.

Правительство в эти четыре года в особенности было недовольно резкостью выражений и дерзостью тона, усвоенного некоторыми органами нашей журналистики. За сим оно часто осуждало намерение возбудить недоверие и неуважение к правительству.

Почти все случаи бывших доселе административных и судебных взысканий группируются около сих двух поводов к обвинению.

С тех пор, как карандаш цензора перестал марать в рукописи подлинные выражения самого автора и нередко не только смягчать, но и изменять смысл всей речи, — стали действительно появляться в печати произведения и статьи, писанные языком, верно отражавшим темперамент и характер автора. Не стало искусственной сурдины, и натуральный, живой голос поразил непривычное ухо многих.

Разом посыпались обвинения, доказывающие, что поразившее явление было неожиданно. А между тем первое, никаким законом неотвратимое и естественное последствие уничтожения цензуры должно было быть изменение тона и склада печатной речи.

Вопрос заключается только в том, не слишком ли уже резок стал этот тон, и не вышла ли действительно наша печать из всяких пределов приличия в выражении своих мнений?

Говоря беспристрастно, за весьма немногими исключениями вообще пресса наша при переходе от цензуры к свободе была много воздержаннее прессы всех других народов при тех же обстоятельствах**. Первый порыв долго сдержанного слова, первый взрыв накопивших досад, первый крик пробужденного сознания так естественны, что было бы несправедливо основывать на них решительный приговор всей реформы. К тому же давно ли мы стали читать русские газеты и журналы? Успели ли у нас образоваться вкус и установиться строже формы приличия, обязывающие автора строго взвешивать речь свою?

Никакими законами не могут быть предписаны ни вкус, ни форма приличия — только время и свобода развивают и то и другое.

**Токвиль, разбирая историю свободы печати в разных государствах, замечает, что «горе тому поколению, которое присутствует при первом освобождении печати от цензуры».

Так ново еще для нас читать на родном языке суждения о вопросах общественных, так мы привыкли познавать их только из деловых бумаг, писанных бесстрастным канцелярским слогом, что всякое несколько живое слово уже действует на нас с непонятной силой.

Спокойно и разумно должно правительство относиться к таким проявлениям, против которых бессильны все его меры. Раздражаясь, оно скорее усиливает, чем ослабляет действие, производимое резким словом.

Повторяем, время и требование самого общества установят пределы резкости и приличия тона нашей печати. Во всяком случае, законодательными мерами этого достигнуть нельзя; и если правительство при пересмотре законов о печати имеет в виду подобную цель, то она достигнута не будет иначе, как восстановлением предварительной цензуры.

Второе обвинение, чаще всего подающее повод к административным взысканиям, налагаемым Главным управлением по делам печати, заключается в возбуждении недоверия к Правительству.

Тут дело уже не в форме, а в сущности.

Посмотрим, в какой мере изданием нового или исправлением старого закона могут быть предупреждены случаи подобных нарушений.

Еще недавно в Высочайше утвержденном мнении Государственного совета по вопросу о прекращении издания газеты «Москва» подтверждено право печати обсуждать законы и правительственные распоряжения и свободно высказывать мнение о сих распоряжениях, даже когда эти мнения не совпадают со взглядами правительства***. Поэтому не может, кажется, подлежать сомнению, что правительство не опасается, чтобы правдивая критика его распоряжений могла возбудить к нему недоверие. И оно вправе не иметь подобных опасений.

Четыре года наша независимая печать единодушно выражала живейшую преданность благим и славным реформам настоящего царствования. Не только по смыслу и духу, но и по букве заявления ее совпадали со всеми важнейшими указаниями Высочайшей воли и главнейшими актами правительства. Неограниченным доверием к всем благим начинаниям правительства отвечала печать на все сомнения, скрытые противодействия и невежественные опасения врагов полезных реформ.

Вправе ли правительство забывать все это и оглашать печать себе враждебной?

А между тем часто слышатся теперь подобные упреки.

Они несправедливы.

Нет и не может быть в России ни одного враждебного правительству органа в том смысле, как понимается оппозиционная пресса в Запад-

*** Мнение Государственного совета 18 апреля 1869 года.

ной Европе. Не может журналистика у нас быть представительницею каких-либо политических партий, когда этих партий в действительности не существует.

Но не касаясь основных начал государственного устройства, бесцензурная пресса наша судит о распоряжениях и действиях правительства с теми оттенками различных мнений, которые постоянно живут во всяком обществе и которые бывают тем заносчивее и смелее, чем упорнее правительство отвергает законность и пользу их существования.

Не для праздной забавы дано печати право обсуждать дела общественные. Весьма серьезно отнеслась печать наша к своей обязанности. Можно не соглашаться с выводами, советами, указаниями и взглядами главнейших органов нашей прессы по всем занимавшим ее и правительство вопросам, но нельзя отрицать того, что в эти четыре года бесцензурная печать наша обнаружила замечательную и неожиданную зрелость.

Она умела доступным для большинства читателей способом постановки вопросов возбудить живой интерес к общественному делу.

Как бы не замечая сего пробуждения сознания, правительство полагало возможным хранить по-прежнему упорное молчание и в отношениях своих к общественному мнению не считало себя более связанным, чем прежде.

Не в этом ли следует искать причину главнейших недоразумений?

При свободной печати Верховная самодержавная власть не утрачивает ни одного из своих преимуществ, не уступает в пользу какой-либо силы ни одного из своих законных прав, но она встречается с такими новыми условиями, которые весьма существенно изменяют характер ответственности ее органов. С тех пор, как действия их подлежат критической оценке печати, все органы правительства обязаны в известных пределах признавать законность этой критики.

Неприкосновенность самой Верховной власти того требует. Ибо чем свободнее обсуживаются законодательство и административные меры, чем безбоязненнее заявляются злоупотребления, ошибки и упущения, тем менее остается в руках злонамеренности благовидных поводов протирать обвинения до Престола.

Всякое дерзкое оскорбление, всякое с злым умыслом ложное обвинение должны беспощадно и строго быть преследуемы законом. Но вместе с тем с полным сознанием своей силы должно правительство примириться с необходимостью спокойно выслушивать горькие и подчас даже несправедливые упреки и не считать для себя унижительным или с достоинством своим несогласным относиться к печати иначе, как с негодованием или презрением.

Когда таким образом уяснятся взгляды правительства на силу и значение бесцензурной прессы, тогда и самое применение законов о печати не будет более возбуждать важных недоразумений.

Не менее того, как выше замечено, действующее ныне законодательство крайне неполно, неясно и не удовлетворяет современным потребностям. Исправлять его по частям заменю нескольких статей — невозможно.

Следует вновь составить в виде устава полное законоположение о печати.

Возложив этот труд на специальную Комиссию, ей следует дать право: не стесняться никакими действующими до сих пор постановлениями, распоряжениями, циркулярами, учреждениями и пр.

Это необходимо по следующим соображениям:

Никакая статья закона не может с достаточной полнотой и ясностью выразить правила или предписания прямо применимого к частному случаю бесчисленных видов злоупотреблений печати. В целом же Уставе, ежели он составлен с строго логической и юридически верною последовательностью, можно так ясно установить некоторые основные начала, что применитель, легко усвоив их, получит возможность безошибочно и правильно применять всякий данный случай к закону, хотя бы в общей форме выраженному. Но для того, чтобы Устав мог быть изложен с такой систематической последовательностью, нужна свобода в выборе и расположении предметов — чего невозможно достигнуть, ежели явится необходимость обязательно поместить в Уставе отдельные распоряжения или законы, с остальными частями законодательства не вяжущимися.

Примечания

Дмитрий Александрович Оболенский (1822–1881) — статс-секретарь, в 1863–1870 гг. — управляющий Департаментом внешней торговли Министерства финансов, в 1870–1872 гг. — товарищ министра государственных имуществ, с 1872 г. член Государственного совета.

Документ печатается по: ОР РНБ. Ф. 391. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–10 об. (подчеркивания оригинала).

¹ Вероятно, имеются в виду «Комитет для рассмотрения действий цензуры периодических изданий», так называемый Меньшиковский (27 февраля 1848 г. — 29 марта 1848 г.); «Высочайше учрежденный Комитет для высшего надзора в нравственном и политическом отношениях за духом и направлением всех произведений нашего книгопечатания», так называемый Комитет 2 апреля 1848 г.,

или Бутурлинский, по имени его первого председателя Д. П. Бутурлина (2 апреля 1848 г. — 5 декабря 1855 г.); «Комитет по делам книгопечатания» (21 января 1859 г. — 24 января 1860 г.) (см.: *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700—1863 гг.). СПб., 1892. С. 438—449; *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Центральные учреждения цензурного ведомства (1804—1917) // *Книжное дело в России в XIX — начале XX века: Сб. науч. тр.* СПб., 2008. Вып. 14. С. 206—213). В Главном управлении цензуры изменения были введены новыми штатными расписаниями от 19 июля 1850 г. и 14 января 1860 г. (ПСЗ. Собр. 2. Т. 25. № 24342; Т. 35. № 35339). По указу от 10 марта 1862 г. Главное управление цензуры было упразднено (ПСЗ. Собр. 2. Т. 37. № 38040).

² Ковалевский Евграф Петрович (1892—1866), в 1858—1861 гг. — министр народного просвещения. См.: Проект цензурного устава, составленного действительным тайным советником Е. П. Ковалевским в 1859 году. [СПб., 1862?]; Объяснительная записка к проекту нового устава о цензуре 1859 г. СПб., 1859.

³ Указом 10 марта 1862 г. была создана комиссия для пересмотра цензурного устава под председательством Д. А. Оболенского. Ее работой руководил министр народного просвещения А. В. Головин. К концу 1862 г. комиссией Д. А. Оболенского был выработан проект, по которому предполагалось ввести смешанную предварительно-карательную цензуру. Образцом для него послужило французское законодательство. 14 января 1863 г. цензура была передана из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел. Руководство подготовкой реформы перешло к П. А. Валуеву. В течение 1863—1865 гг. над проектом реформы работала вторая комиссия Д. А. Оболенского, затем Валуев и члены Государственного совета. На разных этапах обсуждения в документ вносились значительные поправки, наиболее либеральный устав предложила вторая комиссия. После обсуждения проекта в Государственном совете 6 апреля 1865 г. Александр II утвердил в качестве «Временных правил» закон «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати». См.: Журнал высочайше учрежденной комиссии для пересмотра, дополнения и изменения постановлений по делам книгопечатания, 19 марта 1862 года. СПб., 1862; Первоначальный проект устава о книгопечатании, составленный Комиссией, высочайше утвержденной при Министерстве народного просвещения. СПб., 1862; Журнал высочайше учрежденной комиссии для пересмотра, дополнения и изменения постановлений по делам книгопечатания, 19 марта 1862 года. СПб., 1862.

⁴ Валуев Петр Александрович (1814—1890), в 1861—1868 гг. — министр внутренних дел, в 1872—1879 гг. — министр государственных имуществ, в 1877—1880 гг. — председатель Комитета министров.

⁵ Имеется в виду подготовка Судебной реформы 1864 г., которая ввела новые принципы судоустройства и судопроизводства: отделение суда от администрации, равенства всех перед законом, несменяемость судей и судебных следователей, гласность и состязательность судебного процесса, суды присяжных, адвокатуру и прокурорский надзор, выборный мировой суд. На всей территории Российской империи новые суды были введены к 1896 г.